

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:
ИССЛЕДОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. МУРАВЬЕВ:
ВВЕДЕНИЕ В ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

КНИГА III

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2007

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

проект № 01-06-87020

Топоров В. Н.

Т 58 Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. III. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 684 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 5-9551-0204-3

Третья книга «Введения в творческое наследие М. Н. Муравьева» не завершена. В. Н. Топоров успел написать разделы «Один год из жизни Муравьева по его письмам» и «М. Н. Муравьев и Шекспир». Раздел «М. Н. Муравьев и античность» подготовлен издателями по архивным материалам: обозначенные В. Н. темы представлены его неоконченными работами (*Муравьев и...: Пиндар, Вергилий, Гораций*). Муравьев в концепции В. Н. — центральная фигура, представляющая собой водораздел русской духовной культуры. Русская литература до Муравьева подводит к его творчеству, литература после Муравьева развивает им заложенное.

Книга оставляет читателю поле для размышлений — теперь уже не только о Муравьеве, но и об увлеченном исследователе его творчества и его личности, великом филологе В. Н. Топорове.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 5-9551-0204-3

© В. Н. Топоров, 2007

© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2007

Оглавление

От редакции..... 7

Один год жизни М. Н. Муравьева по его письмам (8 мая 1777 — 19 марта 1778)

I. О письмах М. Н. Муравьева 1777—1778 годов.....	11
II. Роль письма и эпистолярная деятельность в России в XVIII веке.....	15
III. Жизненный опыт М. Н. Муравьева (1775—1776).....	62
IV. Вологда: литературные занятия, друзья-собеседники, город и окрестности, природа.....	67
V. Жизнь петербургская. 1772—1778.....	79
VI. В Твери и в Москве.....	82
VII. В вихре жизни.....	84
1. Пространство и время.....	84
2. Автор и его круг.....	98
а) Отец.....	99
б) Сестра.....	107
в) Родственники и домашние.....	119
г) Дворовые люди.....	134
д) Друзья, собраты по перу.....	136
е) Люди науки и искусства.....	199
ж) Знакомые. Встречные. Иные.....	235
з) «Стаффажные» фигуры: люди «без имени» («маргиналы»).....	270
3. Жизнь петербургская.....	275
3.1. «Муравьевский» Петербург.....	275
3.2. Природно-пейзажное и атмосферно-метеорологическое.....	285
3.3. Быт («злоба дня»).....	290
4. Насущность европейской культуры (письма к сестре).....	345
5. Несколько слов об авторе писем.....	366
Приложение. Успехи учения.....	384
Примечания.....	387

М. Н. Муравьев и античность

Пиндарова олимпийская первая пьеса.....	481
«Клитемнестра».....	489

Вергилианская тема у Муравьева.....	501
1. «О Вергилии»	501
2. Вергилиево странство в творчестве Муравьева (проза).....	516
3. Вергилиевская «Эклога I» в частичном переводе Муравьева.....	530
4. «Фарсальская битва»	532
5. «Петрония Арбитра Гражданская брань. Поэма».....	538
6. Вергилий в поэзии Муравьева	553
Муравьевские переводы из Горация	557
Примечания	574

М. Н. Муравьев и Шекспир

Еще раз о муравьевском переводе монолога Гамлета в контексте русской гамлетяны	579
<i>Приложение I.</i> Материалы к русским переводам монолога Гамлета (2-я пол. XVIII века)	607
<i>Приложение II.</i> Материалы к осмыслению образа Гамлета в русской философии (избранные фрагменты).....	633
Примечания	659

От редакции

В архиве Владимира Николаевича Топорова (28/VII 1928 — 5/XII 2005) сохранился проект «Избранных трудов по русской литературе» в семи томах:

I. XVII—XVIII вв. до Муравьева

II. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. В 2-х кн.

III. Конец XVIII в. (Карамзин)

IV. Начало XIX в. До смерти Пушкина

V. Русская литература 40-х годов XIX в.

VI. Русская литература 2-й половины XIX в.

VII. Литература начала XX в.

Проект, по сути дела, является концепцией, отражающей взгляд В. Н. на русскую литературу — ее историю, ее периодизацию и, наконец, на ее «опорные имена». Михаил Никитич Муравьев в этой концепции — центральная фигура, представляющая собой водораздел. Литература до Муравьева подводит к его творчеству, литература после Муравьева развивает им заложенное.

К Муравьеву как к человеку редких достоинств у В. Н. было глубоко личное отношение: попав под его обаяние, он погрузился в изучение не только его творчества, но и его жизни. Литературное дарование, образованность, просветительская деятельность были для В. Н. производными от благородной души М. Н. Муравьева. В каком-то смысле Муравьев был для В. Н. воплощением образа «русского европейца». В. Н. приписывал Муравьеву совершенно особую роль в формировании русской духовной культуры. Именно из-за этой отмеченности Муравьева проект был начат со II-го, «его», тома вышел за пределы первоначально намеченных 2-х книг — и остановился. Время, отпущенное В. Н. на жизнь, исчерпалось.

3-я книга «Введения в творческое наследие М. Н. Муравьева» не завершена. В. Н. успел закончить только первый раздел: «Один год из жизни Муравьева по его письмам». Раздел «М. Н. Муравьев и Шекспир» перешел в 3-ю книгу муравьевского тома из 2-й, где было превышение объема.

Остались подготовительные материалы, они огромны, но лишь малая часть доведена до уровня текста. Составители собрали эту часть, сознавая, что требовательный к себе В. Н. не позволил бы опубликовать то, что

он сам считал незаконченным. Но, может быть, простил бы это самоуправство — ради столь любимого им Муравьева. Тем более что мы лишь заполнили размеченный В. Н. раздел «М. Н. Муравьев и античность», который по плану В. Н., должен был состоять из пяти частей.

1. Муравьев и Пиндар. — *Дается публикация перевода Первой олимпийской оды, стихотворного и прозаического, комментарий не написан.*
2. «Клитемнестра» — опыт античной трагедии. — *Дается публикация текста трагедии Муравьева, комментарий не написан.*
3. «Вергилианская тема» у Муравьева. — *Статья кончается на 6-й, недописанной главке «Вергилий в поэзии Муравьева».*
4. Образ Дидоны. — *Не написано, но тема Дидоны появляется в статье о Вергилии.*
5. Переводы античных авторов. — *Представлено «Муравьевскими переводами из Горация». Не окончено.*

(См. факсимильное воспроизведение плана в конце книги.)

«Муравьевские переводы из Горация» — последнее из написанного Владимиром Николаевичем. Последовательно разбирая горацианские оды, он приступил к переводу Муравьевым самой знаменитой «Первой на десять оде книги первой к Левконое», с *carpe diem*, успел написать заглавие — и ушел, оставив на столе латинского Горация, раскрытого на этой оде: *Юпитер судил ему последнюю зиму.*

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
finem di dederint, Leukonoe, nec Babylonios
temptaris numeros. ut melius, quidquid erit, pati.
seu pluris hiemes seu tribuit Iuppiter ultimam,
quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare
Tyrrhenum: sapias, vina liques, et spatio brevi
spem longam reseces. dum loquimur, fugerit invida
aetas: carpe diem quam minimum credula postero.

Брегись, вопреки людской судьбины,
Предел испытывать кончины
И о пребудущем гадать;
Пусть проживешь ты годы многи
Иль днесь твой скосятся ноги —
Умей терпеть и ожидать.
Меж тем вина исполни чашу
И, видя жизнь толь кратку нашу,
Надежду горду пресекай;
Мы говорим, а время мчится,
Что было — то не приключится,
Что есть — того не упускай.

⟨Перевод М. Н. Муравьева 1776⟩

ОДИН ГОД ЖИЗНИ М. Н. МУРАВЬЕВА
ПО ЕГО ПИСЬМАМ
(8 мая 1777 — 19 марта 1778)

По мне, в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умильного, чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше. Самая полная, самая искренняя записка не имеет в себе того выражения истинной жизни, какими дышат и трепещут письма, написанные беглою, часто торопливою и рассеянною, но всегда по крайней мере на ту минуту проговаривающею рукою. Записки, то есть мемуары, сказал бы я, если не страшился бы провиниться иноязычием в стенах святилища Русского слова и Русской науки, а еще более провиниться подражанием пестроте новейшего словосочинения, записки все-таки не что иное, как обдуманное воссоздание жизни. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ея. Как семейный и домашний быт древнего мира, внезапно остывший в лаве, отыскивается целиком под развалинами Помпеи: так и здесь жизнь нетронутая и нетленная, так сказать, еще теплится в остывших чернилах. Но при этой сладости и свежести впечатления, есть и глубокая грусть, которая освящает это впечатление и тем придает ему невыразимую прелесть. Тут пред вами жизнь, но вместе с нею и осязательное свидетельство ея безнадежности, ея несостоятельности. Все эти заботы, радости, скорби, эти мимоходные исповеди, надежды, сожаления; все эти, едва уловимые оттенки, которые в свое время имели такую полную действительность, все это и самые лица, запечатлевшие их, за скрепою руки и души своей, все это давно увлечено потоком времени, все это сдано в архив давноминувших дел, или вовсе предано забвению и в жертву настоящему.

П. А. Вяземский. О письмах Карамзина, 1866 // Полное собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1882. С. 135—136

Переписка друзей [...] это история сердца, чувствований, заблуждений. Роман, в котором мы сами были действующими лицами.

Запись М. Н. Муравьева на обороте письма В. В. Ханыкова от 28 февраля 1779 г. (Отд. письм. источн. ГИМ, собрание Черткова)

И жить торопится, и чувствовать спешит...

І. О письмах М. Н. Муравьева 1777—1778 годов

Собственно говоря, речь ниже пойдет не о целом годе из жизни Михаила Никитича Муравьева, а об отрезке времени, немногим превышающем десять месяцев и включающем последние восемь месяцев 1777 г. и первые два с половиной 1778-го. Эта переписка велась юношей на стыке его 19 и 20 лет (Муравьев родился 25.X [5.XI] 1757 г.). Всего за этот период было написано 67 писем отцу Никите Артемоновичу¹, включающих в себя и письма, иногда записки сестре Федосье Никитичне Муравьевой (в замужестве Луниной). Эти письма хранятся в рукописных отделах Государственной Публичной библиотеки (ныне — Российская Национальная библиотека) в Петербурге (соответственно — ГПБ и РНБ) и Государственного Исторического музея (ГИМ) в Москве. Два десятилетия тому назад они были опубликованы², и к ним в своих трудах обращался ряд исследователей³. Факт публикации этих писем и достаточно подробного их комментирования облегчает исследователю работу с этим материалом и — в данном случае, в частности, — объясняет обращение именно к ним, хотя в фондах М. Н. Муравьева хранятся и другие письма к тем же адресатам. Так, в ГИМе находятся письма Муравьева за период 1776—1781 гг., а также письма к сестре и ее мужу Сергею Михайловичу Лунину за 1787—1792 гг. (есть и одно письмо, относящееся к 1785 г.). К сожалению, эти письма, как и некоторые другие, хранящиеся в других местах, до сих пор не опубликованы. Будь это сделано, эпистолярный М. Н. Муравьева был бы, вероятно, крупнейшим среди собраний писем русских писателей XVIII века, хотя и уже опубликованное выдвигает Муравьева в первый ряд — как по количеству писем, так и по их культурно-исторической, бытовой, нравственной значимости⁴.

Разумеется, ограничение себя здесь только опубликованными письмами М. Н. Муравьева в известной степени вызвано внешними причинами, и оно могло бы быть расширено при обращении к неопубликованной части эпистолярного наследия писателя. Но и отобранный материал весьма репрезентативен, чтобы через неширокое временное окошко заглянуть в разнообразную, напряженную, интересную жизнь молодого человека, перед которым открывается много дорог и стоит проблема выбора. С этой точки зрения опубликованные письма характеризуются концентрированным сложным единством, в котором органиче-

- № 14: 28 августа 1777 (Санкт-Петербург).
№ 15: 31 августа 1777 (Санкт-Петербург).
№ 16: 4 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 17: 7 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 18: 12 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 19: 14 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 20: 18 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 21: 21 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 22: 25 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 23: 25 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 24: 28 сентября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 25: 2 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 26: 5 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 27: 10 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 28: 12 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 29: 16 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 30: 20 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 31: 26 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 32: 30 октября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 33: 2 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 34: 6 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 35: 7 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 36: 9 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 37: 13 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 38: 16 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 39: 21 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 40: 23 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 41: 27 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 42: 30 ноября 1777 (Санкт-Петербург).
№ 43: 4 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 44: 7 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 45: 11 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 46: 14 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 47: 18 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 48: 21 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 49: 22 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 50: 25 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 51: 28 декабря 1777 (Санкт-Петербург).
№ 52: 1 января 1778 (Санкт-Петербург).
№ 53: 4 января 1778 (Санкт-Петербург).
№ 54: 8 января 1778 (Санкт-Петербург).
№ 55: 15 января 1778 (Санкт-Петербург).

- № 56: 18 января 1778 (Санкт-Петербург).
- № 57: 22 января 1778 (Санкт-Петербург).
- № 58: 25—29 января 1778 (Санкт-Петербург).
- № 59: 1 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 60: 5 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 61: 6 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 62: 8 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 63: 18 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 64: 22 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 65: 26 февраля 1778 (Санкт-Петербург).
- № 66: 15 марта 1778 (Москва).
- № 67: 19 марта 1778 (Москва).

Если отбросить два первых письма (№№ 1—2), взятых из тетради № 51 и неорганически связанных с последующими письмами, составляющими своего рода «непрерывную» серию во времени, и относительно длительные перерывы в переписке, связанные с переездами из города в город (26 февраля — 15 марта 1778 г., т. е. полумесячный перерыв) или некоторыми другими обстоятельствами (ср. незаполненный письмами перерыв между 8 и 18 февраля 1778 г.), то окажется, что М. Н. Муравьев писал письма раз в четыре дня, причем дважды по два письма в день (17 августа 1777 г. и 25 сентября того же года), и трехкратно два дня подряд (6—7 ноября и 21—22 декабря 1777 г., 5—6 февраля 1778 г.), несколько раз с интервалом в один день (ср. 15—17 августа, 12—14 сентября, 10—12 октября, 7—9 и 21—23 ноября 1777 г.) и многократно с интервалами в два дня. Эта насыщенность времени письмами была жизненной потребностью как для самого М. Н. Муравьева, так и для получателей его писем — отца и сестры. Во всяком случае обе стороны, участвовавшие в переписке, хотели, чтобы она была еще более интенсивной, и сын не раз извинялся перед отцом, сожалея, что он из-за разных обстоятельств вынужден был пропустить «письменный» день (по письмам сына легко догадаться, что и отец приходил в расстройство, не получив «положенного» письма). Особо нужно отметить случай «пятидневногo» писания письма (№ 58: 25—29 января 1778 г.). Ниже будет показано, что побуждало сына находиться в постоянном и частом письменном общении с отцом, а заодно и с сестрой, письма к которой иногда позволяют предполагать жанр «отписки» (впрочем, нечасто), обнаруживающей себя по некоторой игривости и чрезмерной экспрессивности, чертам, никогда не присутствовавшим в письмах к отцу.

II. Роль письма и эпистолярная деятельность в России в XVIII веке

Прежде чем перейти непосредственно к письмам М. Н. Муравьева 1777—1778 гг., адресованных отцу и сестре, уместно обозначить вкратце две темы, довольно разные по своему характеру. Первая из них относится к специфической роли письма в России XVIII в. и к месту эпистолярной деятельности в контексте культуры и прежде всего литературной деятельности. Вторая — к жизненному и культурному опыту Муравьева, накопленному им в первые два десятилетия его жизни и так или иначе отразившемуся в его письмах. Поскольку нас в письмах Муравьева интересует прежде всего сам автор, его человеческие особенности, интересы, мировоззрение, занятия, связи, знания предыдущего его опыта, его ресурсы — интеллектуальные, относящиеся к сфере чувств, к нравственным установкам, желательна хотя бы краткая характеристика «предистории» становления личности писателя и его жизненного опыта, что и составляет содержание второй из обозначенных тем. Но сначала о первой.

Эпистолярная деятельность в XVIII в. в России и конкретные ее результаты весьма сильно отличаются от таковой как в XVII, так и в XIX в., образуя своего рода переходное явление между старой эпистолярной традицией, еще довольно зримо связанной с древнерусской, и новой, достаточно европеизированной эпистолярной традицией, органическим продолжением которой является *epistolaria* XX в. в известном культурном слое общества. Эта «промежуточность» эпистолярной традиции, характеризующая XVIII век в России, обнаруживает себя и в количестве эпистолярного материала, и в его особенностях, и в составе участников эпистолярного процесса. Последнее в данном случае оказывается особенно важным. И важно не только то, что среди этих участников оказываются писатели — и большие, и малые, и средние — и то, что позже (а иногда и прижизненно)⁶ их письма становятся в ряде случаев известны (хотя бы и в узком, но довольно авторитетном и по-своему влиятельном кругу), но и — главным образом — важно то, что эта известность оказывается следствием появления писем нового типа — нового их содержания и новой поэтики. Иначе говоря, в XVIII в. в определенной среде и при определенных обстоятельствах имеют хождения письма, которые становятся не только исключительно личным, частным, сугубо практическим делом, но

и приобретают характер общественного явления (более того, иногда у автора письма с самого начала обнаруживается присутствие установки на «общественный» резонанс, т. е. надежда на то, что письмо станет известно не только одному адресату, но и другим), во-первых, и, во-вторых, такие письма становятся фактором литературы с рядом вытекающих из этого последствий. В русской эпистолярной традиции XVIII в. письмо впервые порождает новую свою разновидность, не ограничивающуюся сферой бытового, делового, узкоинформационного, подтверждающего факт коммуникации адресанта и адресата, или даже порывающую, насколько это возможно, связь с этой сферой⁷.

Эта же тенденция к «литературности» и, соответственно, к формированию через одного конкретного адресата некоего «множественного» (совокупного) адресата-читателя проявляется и в возникновении или же оживлении, актуализации ряда других тенденций в сфере литературных форм и жанров. Эти тенденции следует усматривать в появлении писем (естественно, прозаических) в печати, тем самым становящихся открытыми и способствующими формированию в русской эпистолярной традиции особой разновидности «письменного» жанра. Из числа наиболее известных и интересных примеров можно отметить фонвизинское «периодическое сочинение, посвященное истине» — «Друг честных людей, или Стародум» (1788), представляющее собою своего рода синтез письма и драматически организованной через диалог структуры⁸. Результат этого синтеза целиком принадлежит литературе, но не как факт, «реальное», приобретшее литературный статус, а как своего рода «*création pure*», *fiction*. Другой тип писем, также принадлежащих литературе, представлен так называемыми «Письмами из Франции», которые путешествуя по Европе писатель в 1777—1778 гг. посылал П. И. Панину. Другим, как бы усиленным вариантом той же тенденции нужно считать первые опыты (и подступы к ним) в создании больших прозаических форм, организованных как последовательность писем одного автора или — позже — переписки двух авторов. Особую роль в усвоении этой формы сыграли два выдающихся произведения западноевропейской литературы — «Юлия, или Новая Элоиза» («*Julie, ou la Nouvelle Héloïse*», 1761) Руссо и «Страдания молодого Вертера» («*Die Leiden des jungen Werthers*», 1774) Гете, известные в России и по их переводам, соответственно, с 1769 г. (П. С. Потемкин) и с 1781 г. (Ф. Галченков). Два лучших образца рецепции этой формы — повесть или роман в письмах, — к сожалению, в XVIII в. оставались неизвестными. Речь идет о «полусправедливой повести» в письмах «Российский Вертер» (1792, опубликована посмертно в 1792 г.) и о весьма интересном переводе гетевского «Вертера», оставшемся незавершенным и до сих пор неопубликованном. Перевод был сделан Андреем Ивановичем Тургеневым и Алексеем Федоровичем Мерзляковым и помечен 1799 г.

Разумеется, не следует упускать из вида и такие опыты композиции целого, формируемого из последовательности писем, как «Эмилиевы письма» и «Берновские письма», к которым близок и «Обитатель предместья», где дневниковые записи вполне могли бы быть трансформированы в письма.

Наконец, очень симптоматично появление интереса к жанру стихотворных писем-посланий, все более умножавшихся в своем числе и достигших своего количественного пика в 70-ые годы XVIII века и в смежные с ними годы. Потребность в соединении стихотворной формы с жанром письма-послания реализовалась через обращение к высоким классическим образцам и через многочисленные опыты оригинального характера. Такими образцами в конце 30-ых—50-ых годах XVIII века были гораццианские стихотворные послания, и перенесение традиций античных «*Epistulae*» было поставлено в повестку дня прежде всего Кантемиром и им же наиболее полно и выполнено⁹. Но еще более важными явлениями в русской литературе XVIII века в рассматриваемой здесь ее области были становление и увеличение количества стихотворных писем и посланий, как бы располагавших их авторов к повышению ранга «художественности» текста и параллельный процесс «поэтизации» как такого же возрастания художественности прозаических писем. Обе эти формы эпистолярного жанра, если угодно, можно рассматривать как два потока, устремленных к одной цели и как бы взаимно поддерживающих друг друга: стихотворные письма все чаще и все в большем объеме включали в себя топику, присущую прозаическим бытовым письмам, а последние все более «заражались» художественным (так сказать, «небытовым» поначалу) духом, главный дом которого в XVIII в. — поэзия как носительница «художественности» по преимуществу. В этом смысле оба названных потока, стремясь к одной цели, стремились и навстречу друг другу, хотя и с разных сторон и как бы независимо друг от друга. Здесь существенно подчеркнуть, что этот процесс в литературе XVIII века до сих пор как-то оставался в тени в исследованиях, нередко полезных и оригинальных, по русской *epistolaria* того времени. Несколько слов в возмещение этой лакуны см. в Приложении в конце этой части работы.

Соотношение письма и литературы, эпистолярной практики и художественного произведения попало в центр внимания исследователей, начиная с известной работы Ю. Н. Тынянова¹⁰, и особенно после публикации писем русских писателей XVIII века (Письма 1980). Самое главное и наиболее оригинальное из того, что касается нового статуса письма в русской эпистолярной традиции было сформулировано именно Тыняновым, писавшим, что именно в письме «были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конст-

рукции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, “домашняя” малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных “грандиозным” приемам XVIII века. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту. И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы. Письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой ораторской канонической прозе и приводят к “Письмам русского путешественника”, где путевые письма стали жанром¹¹. Если с основными положениями Тынянова о роли письма и о его вхождении в литературу трудно не согласиться, то в датировке этого процесса он, несомненно, ошибался не менее чем на четверть века¹². Письма М. Н. Муравьева (но и не только они, хотя муравьевская «эпистолярная» должна быть признана наиболее новаторской и диагностически важной в указанном процессе), которых Тынянов, видимо, не знал, а если и знал, то недостаточно, как раз и являются ярчайшим свидетельством процесса вхождения письма в литературу во всем множестве ракурсов. «Учительная» роль Муравьева в этом отношении была значительной, как и во многих других, что еще раз подтверждает слова Г. А. Гуковского, согласно которому Муравьев был «более или менее учителем всех литераторов 1790-х, а в особенности 1800-х гг., связанных с Карамзиным»¹³, и что «было бы трудно отрицать воздействие Муравьева на Карамзина, на Жуковского, на Батюшкова как в вопросах стиля, так и в вопросах общего и литературного мировоззрения». Не совсем верно был определен Ю. Н. Тыняновым и литературно-эстетический контекст, в котором состоялось преобразование письма в факт литературы. «Сентименталистическому» этапу этого преобразования (именно его только имел в виду Тынянов) предшествовал и «к л а с с и ц и с т и ч е с к и й» этап, когда, собственно, и начала формироваться муравьевская эпистолярная со всеми свойственными ей особенностями, предвосхищая будущие опыты Карамзина в этой области или ставя проблемы, Карамзиным вообще не рассматривавшиеся. Вообще нужно помнить, что Муравьев, начав в русле поэтического, шире — эстетического пространства, определяемого нормами классицизма, а идеологически следуя основным положениям эпохи Просвещения, в основном, какой она сложилась во Франции, эволюционировал легко и довольно быстро, органично впитывая влияния, идущие с разных сторон. Уже в середине 70-ых годов Муравьев, видимо, выбирает «иной путь», отказываясь петь, как раньше, *песни громки и высоки*. Этот порог в своем творчестве он ощущает как *в е с н ю*¹⁴, пробуждение к новому, к «тихому», внутреннему, связанному с жизнью души и сердца. Теперь «чувствительная душа», *sensibilité* как одно из ключевых понятий сентиментального мироощущения, нередко встречающееся в письмах, дневниках, поэзии Муравьева, — непременное условие творчества и перемены, правда, не резкой, всего поэтиче-

ского стиля¹⁵. Эту перемену поэт сознает и идет на нее с чувством полной ответственности, вовсе не зачеркивая прошлое и не стыдясь его: что было, то было, и что было, то благо: *suum quique* — принцип Муравьева. «Оду десятую. Весна. К Василью Ивановичу Майкову» он заканчивает словами благодарности за прошлое и оповещения относительно выбора, сделанного им:

Я, Майков! в лиру ударяю,
Котору мне настроил ты,
Звениящи гласы повторяю,
Поя весенни красоты!
Я прежде пел сраженья звучны,
А днес гласил растенья тучны,
В полях биющие ключи;
Ты брани петь меня наставил,
А я тебе сей стих составил
Во знак чувствительной души.

Но пока это только выбор направления движения. До «резкой перемены во взглядах Муравьева, в тоне и содержании»¹⁶ остается два года, и уже поэтому едва ли права венгерская исследовательница, говоря о «резкой перемене». Дело скорее в том, что количество свидетельств недостаточно, чтобы судить о ситуации с уверенностью (во-первых), и что (во-вторых) результаты внутреннего и постепенного процесса («Он [Муравьев. — В. Т.] все больше занят вопросами добродетели, морали, человеческого достоинства [...] — М. Тетени. Указ. соч., 226) могут не соотноситься непосредственно с формой, в которую эти результаты отливаются: непрерывное, передаваемое с помощью дискретного, нередко приводит к сдвигам, ставящим под известное сомнение адекватность итогового свидетельства. При этом, действительно, не приходится сомневаться, что приблизительно с августа 1777 г. Муравьев вступает в период кризиса, душевной усталости, огорчений, возможно, связанных с событиями личной жизни. Но эта перемена отчасти подготовлена и той новой антропологической и гносеологической установкой, которая зафиксирована в тетради записей Муравьева в заметке, сделанной в Твери еще в 1776 г.: «Все знания свои почерпывает человек из знания в себе самом» (ГПБ = РНБ ОР Муравьев, ед. хр. № 27, л. 5). Эта мысль в существенной своей части была инспирирована обращением к «Опыту о человеке» Попа, где Муравьев, видимо, нашел подтверждение и своим собственным интуициям, о которых отчасти можно судить и по некоторым его текстам.

Письма М. Н. Муравьева, адресованные отцу и сестре (как правило по отдельности, хотя и в составе одного письма)¹⁷, как раз и относятся к 1777—1778 гг., через которые проходит в жизни писателя рубеж между,

если можно так сказать, беззаботностью и озабоченностью. Их писал молодой человек 19 лет (до 25 октября [5 ноября] 1777 г.) и 20 лет (после указанной даты). Эти письма прежде всего поражают полнотой жизни, обилием жизненных впечатлений, самой емкостью «письменной» конструкции, органичностью сочетания в них культурного и природного, бытового и литературного, рационального и эмоционального, интеллектуального и чувственного, практически-делового и отвлеченно-духовного, нравственного, серьезного и шуточного, русскоязычного и французскоязычного, родственно-семейного и дружески-приятельского, внутреннего и внешнего и т. п. Молодому человеку жизнь в радость. Он купается в ней, впитывает ее, усваивает себе добрые ее токи. Чем больше предоставляет ему жизнь своих материалов, обстоятельств, впечатлений, тем полнее погружается он в нее, тем больше черпает из нее, иногда как бы упиывается ее впечатлениями. Редкая признательность самому дару жизни, столь обильному и органически им усваиваемому и возвращаемому другим в виде редкой благожелательности, участия и сочувствия, надежно свидетельствует этими письмами, по своему интересу и значительности в XVIII в. стоящими в одном ряду с письмами Сумарокова и Карамзина, но и в этом ряду и вне всякого сравнения поразительно своеобразными.

**Приложение: О стихотворном «письме» и сложных жанрах
в русской поэзии XVIII века**

В этот период в русской поэзии отмечается сосуществование нескольких жанровых разновидностей, имевших (как правило) отчетливый признак направленности на адресата, чаще всего конкретного и реального, реже — абстрактного и мыслимого как некая мнимость, и, следовательно, актуализирующих коммуникативный аспект, в котором активная роль отдавалась адресанту. Адресат же в принципе мог ответить адресанту, становясь в этом цикле сам адресантом и обращая исходного адресанта в адресата. Разновидностями этого подчеркнуто-коммуникативного типа стихотворных произведений были эпистола, письмо, послание, тексты, озаглавливаемые формулой «К & имя рек (в дательном падеже)» или «Стихи к & имя рек», или, наконец, формулой заглавия, состоящей (или включающей) из имя река в том же дательном падеже (кому направляется, предназначается текст). Разумеется, все эти разновидности, строго говоря, не являются жанрообразующими в полной мере. Скорее речь идет о различиях «поджанрового» уровня, лишь в маргинальных случаях обнаруживающих тенденцию к более отчетливым расхождениям. Во всяком случае, в русской поэзии XVIII в. немало примеров относительно безразличного употребления обозначений текстов этих разновидностей,

хотя уже в древнерусской литературе были хорошо уже известны и послания — и как жанр (по существу), и как обозначения его (форма), — и письма (но, конечно, прозаические), типы которых фиксировались, например, в «Письмовнике» Курганова. Зато, конечно, отсутствовали поджанры, предполагающие с непереносимостью формулы, обозначающие стихотворные типы (см. выше).

Жанрообразующее обозначение «эпистола» в XVIII в. появилось в русской поэзии вторично и довольно поздно — при том, что первое появление его в русском языке и литературе относится еще к XI—XII вв., ст. епистолина (*ἐπιστολή*, *epistolia*, *epistula*): Вѣписа къ нѣму епистолию великоу зѣло (Нестор. Жит. Феод.25); Иже слышавъ списа юпистолию къ старѣшинѣ граду (Нестор. Бор. и Глеб., гл. 28 и др.), см. Срезневский I, 829). Введение вновь слова эпистола как обозначения жанра принадлежит В. К. Тредиаковскому, причем эпистола в его употреблении предполагало именно стихотворное послание. О своей роли в создании первой русской эпистолы и об особенностях и разновидностях эпистолы Тредиаковский довольно подробно писал в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735, в переработанном виде — 1752):

Думаю, что эпистол российским стихом прежде меня, буде не обманываюсь, никто еще не писал; того ради одну здесь как в пример новгож стиха эксаметра, так и в пример самый ее предлагаю.

Эпистола слово есть греческое, которое происходит от *ἐπιστολή* и значит: послание, писание или просто письмо, для того, что греческий глагол *ἐπιστέλλω* значит: пишу. Эпистола есть разговор отсутствующего с отсутствующим на письме, каковы бывает у присутствующих между собою на словах. В эпистоле, для того что она разговор на письме, надлежит прилежно наблюдать, чтоб стиль ее был краток, силен, ни высок, ни низок, прямо дело изъясляющий, а постороннего ничего не примешивающий, ибо все противное сему читающего приводит в скуку, а пославшего эпистолу в похуление. Много родов есть эпистол, как например: ряд советный, поздравительный, сожалительный, купеческий, любовнический и прочая, для того что не сего есть места о том говорить.

Рассуждать в эпистолах надобно и о сем: кто пишет, куда пишет, для чего и о чем пишет, ибо по разности сих обстоятельств разное эпистола написана быть может.

В дружеских эпистолах беречься должно, чтоб с утешным не внесено было дерзновенное и слуха недостойное; и буде таковое случится, то надлежит такими окружными, но честными словами описать, чтоб только можно было о том догадаться, потому что противное подлого воспитания быть человека показывает и в великое презрение пославшего приводит. В сатирических эпи-

столах так должно человека хулить, чтоб только худые его дела порочить, и то не без закрышек и не без отверниц, укрывая, как можно, имя и все то, по чему можно догадаться, что то конечно и точно о сем, а не о другом человеке пишется, но чести его нимало не касается, и все сие так, чтоб впредь не было причины о том к раскаянию, затем, как говорится, что написано пером, не вырубишь никогда топором. В эпистолах о важных делах, а особливо о науках, должно умеренно быти в аполлинствовании, для того, что все высокое в эпистоле не имеет места; а тот, кто *projicit ampullas et desquipedalia verba*, как говорит Гораций, то есть кидает надутые в полтора фута слова, всегда завирающимся называется. Слог панегирических эпистол долженствует быть гладок, сладок, спокойно текущий и искусный, а особливо в дедикациях, ибо толь нежна и хитра дедикация в прозе, коль мудр и замысловат сонет в поэзии. [...] предлагая о эпистолах вообще, прихожу к пиитическим эпистолам [...]

Пиитическая эпистола есть почти то ж, что и простая. Сие всякому можно видеть у Овидия в эпистолах от героинь. У Горация многих родов эпистолы пиитические читаются. Однако нынешние пииты наиболее сочиняют оные панегирические, которым и мне в сей моей последовать заблагорассудилось, как то читатель сам изволит увидеть. На французском языке господин Буало Депрео толь преизрядные писал эпистолы стихами, что уж лучше его, кажется, написать и нельзя. Пиитическая эпистола стилем только разнится от простой, для того что в пиитической эпистоле и стиль долженствует быть пиитический, аполиноватый и весьма с парнасским не разглашающийся. Сей род поэзии назвал я эпистолюю, а не посланием, писанием и письмом для того, чтоб различить пиитическое письмо от посланий святого апостола Павла и от простых писем. Латины так же называют пиитические и оные духовные: *epistolae*; я простые чаще: *litterae*. Французы простые зовут: *lettres*; а пиитические и святого Павла послания: *epitres*.

Эпистолю мою пишет стихотворчество, или поэзия российская, к Аполлину, вымышленному богу стихотворчества. Но чтоб кому имя сие дало соблазна, того ради я объявляю, что чрез Аполлона должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу. А в прочем все в ней как ни написано, то по-стихотворчески написано, что искусные люди довольно знают; и для того ревнующим нам по благочестию христианам нет тут никакого повода к соблазну.

После этого первого введения в русской традиции в «эпистологию» Третьяковский приводит и свою первую эпистолю — «Эпистола от российской поэзии к Аполлину». Как и подобает случаю, в начале — обращение к Аполлону и просьба о помощи русской поэзии и обзор не только «метров», но и всего мирового поэтического наследия, к которому ныне должна присоединиться и «Росска поэзия»:

Девяти парнасских сестр, купно Геликона,
О начальник Аполлин, и пермаска звона!
О родитель сладких слов, сердце веселящих,
Прост слог и не украшен всячески красящих!
Посылаю ти сию, Росска поэзия,
Кланяся до земли, должно что, самыя.
Нову вещь тебе хочю сею объявити,
И с Парнаса тя сюда самого просити,
Чтобы в помощь ты мою был всегда скорейший,
Чтобы слог мой при тебе начал быть острейший.

.....

Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно.
Хотя нужен ты давно здесь в России славной,
Всё в великих что делах счастится быть главной;
Больше но теперь в тебе нужды я имею,
Тем и нудить больше я, чтоб спешить к нам, смею.

.....

Следующим по времени явлением эпистолы в русской поэзии нужно считать осуществленный Кантемиром перевод горацианских «Epistularum», первые образцы которых были опубликованы в 1744 г., хотя к этому времени, как указывалось ранее, был подготовлен перевод всех посланий. Однако здесь существенно отметить два факта, небезразличных к истории эпистолы в России. Во-первых, заглавие текстов Горация Кантемир переводит не как «Послания», как это стало в последующей традиции переводов римского поэта на русский язык и как это наиболее адекватно передает лат. *epistula*, а как «Письма», что одновременно оказывается важным событием и в истории становления жанра стихотворных писем в русской литературе, поскольку именно в этой точке «письмо» и «послание-эпистола» сначала номинально, а потом и по существу нарушили ту демаркационную линию, которая все-таки их разделяла и различала. И, во-вторых, существенно и то, что в то же время (т. е. до 1744 г., когда скончался 35-летний автор) Кантемир пишет два оригинальных стихотворных письма, опубликованных, правда, посмертно в 1762 г. («Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни». СПб.), а именно — «Письмо I к князю Никите Юрьевичу Трубецкому» (Беллоны часто видею, не бледнее...) и «Письмо II к стихам своим» (Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых...), первое из которых, строго говоря, скорее могло бы быть обозначено как «Послание», чем как «Письмо»¹⁸ (это относится и к обозначению горацианских «Epistularum»).